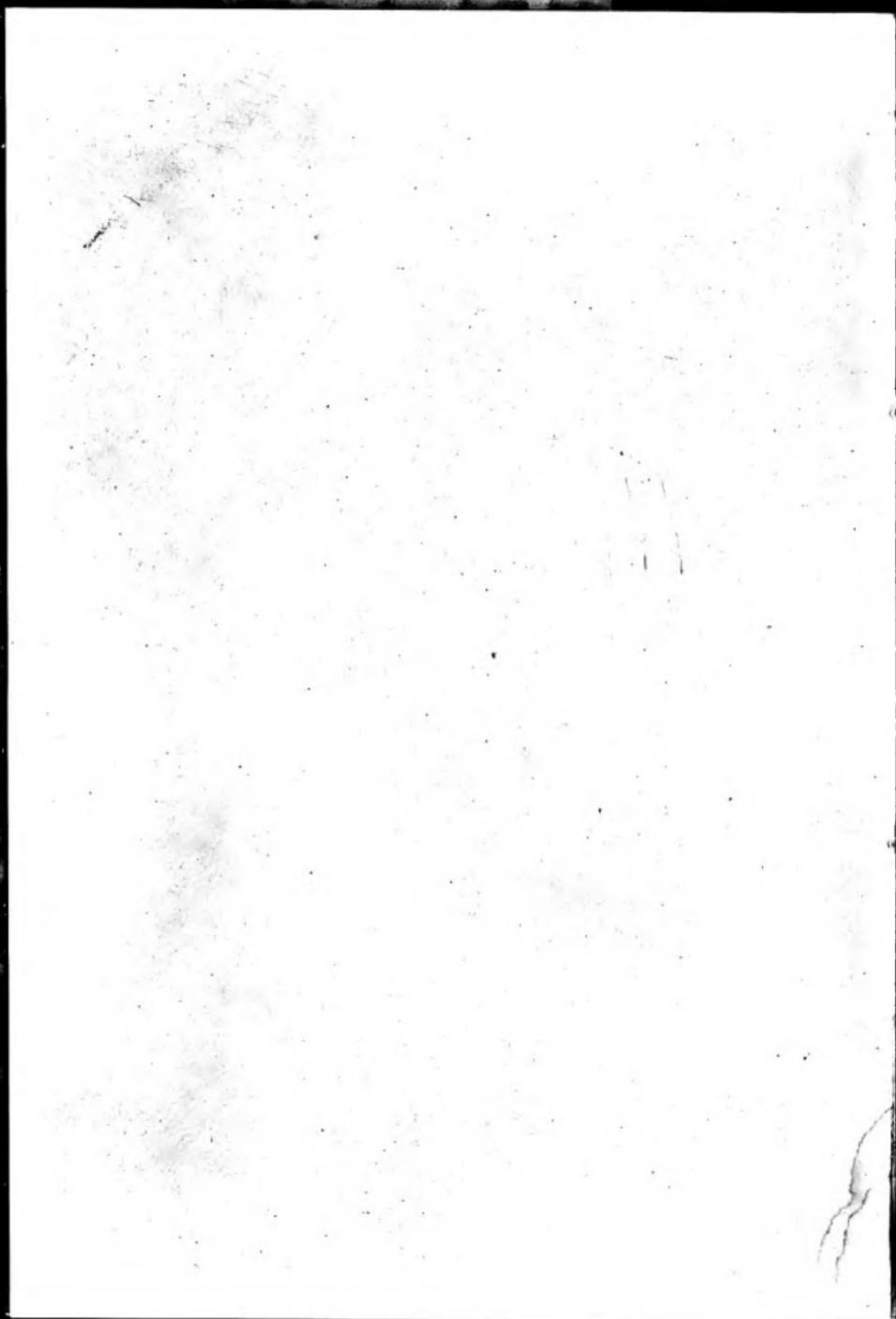

Троцкий
о НАЛИИХ
НОВИХ
ЗАДАЧАХ

Л. ТРОЦКИЙ

ЕН171

О 134

О НАШИХ НОВЫХ ЗАДАЧАХ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1926

Л.Т.Т.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

ЕН 171
0 134

Л. ТРОЦКИЙ

~~★~~

О НАШИХ
НОВЫХ ЗАДАЧАХ

ДОКЛАД

на общегородском собрании
партийной организации в г. Запорожье
1-го сентября 1925 г.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА * 1926 * ЛЕНИНГРАД

16

ЕН171
0134

История... на
при 11.1.1971, (6.)

(250)
2/2

~~12/10~~

2062
136 с.

1062.907

О НАШИХ НОВЫХ ЗАДАЧАХ ¹⁾

Товарищи, позвольте вопрос о задачах партии поставить в свете нашей основной задачи.

Наша основная задача — преобразовать старое капиталистическое общество в социалистическое, а затем и в коммунистическое. Коммунизм предполагает такое количество продуктов, при котором все потребности могут быть удовлетворены без каких-либо бухгалтерских счетов и вычислений. Основной принцип коммунизма — каждый работает по своим силам, каждый получает по своим потребностям. До этого — мы все это признаем сейчас — нам еще не близко. Этапом к коммунизму является социализм. Социализм основан на общественном владении средствами производства. А вопрос распределения предметов потребления зависит от того, какой высоты достигла техника производства, какое количество продуктов имеется в распоряжении общества.

И поэтому все наши практические задачи мы обязаны на каждом новом этапе, на каждом новом повороте проверять: а не сбиваемся ли мы с социалистического пути, приближаемся ли к социализму или удаляемся от него?

Последние мероприятия партии в области крестьянской политики означают расширение рамок для товарно-капиталистических отношений в деревне. Это несомненный факт. От раскулачивания кулака во время военного коммунизма наша партия и Советская власть ходом вещей вынуждены были

¹⁾ Стенограмма настоящей речи не была просмотрена автором и подготовлена к печати редакцией по изданию сочинений Л. Д. Троцкого.

притти к допущению в деревне накопления капитала, который мы прежде называли кулацким, а теперь взрнее было бы называть фермерским капиталом. Слово „кулак“ связано с отношениями еще полукрепостного порядка, с засилием помещика, исправника. У нас же сейчас образуется в деревне собственник-фермер нового типа. Конечно, мы можем по старой памяти называть его кулаком, но гораздо правильнее назвать его фермером капиталистического типа. В основе своей это явление чревато опасностями, на которые никто из нас не закрывает глаза.

Марксизм учит, что количество переходит в качество. Если бы этот кулак, обрастая, развиваясь и имея за собою ряд других полукулаков или капиталистических фермеров, получил перевес в развитии всей экономики, то это означало бы переход на капиталистический путь. Есть такая опасность? Есть. Поскольку новая наша экономика стоит, в известной степени, на основе капиталистических отношений, постольку она включает в себе эту опасность. И расширение рамок капиталистического накопления в деревне эту опасность, несомненно, увеличивает.

И здесь перед нами основной вопрос: каков темп развития капиталистического накопления в деревне, и не угрожает ли оно перерезать путь социалистическому развитию?

Если мы спросим себя, почему мы оказались вынужденными дать возможность развиваться этому фермерскому капиталистическому хозяйству, то ответ будет простой: для того, чтобы развивались производительные силы в деревне.

Мы хотим достигнуть социализма. В чем основное преимущество социализма? В том, что он обещает более высокое развитие производительных сил, чем при капитализме.

Почему капитализм победил феодализм, крепостное право? Потому что при капитализме производительные силы развились несравненно выше, чем при крепостном праве, при феодализме.

В основе истории человечества лежит развитие производительных сил. Каждое человеческое общество можно рассматривать как артель, которая обладает известными средствами

производства; одна артель основана на рабстве, другая — на отношениях товарищества (эта последняя сложится только при социализме, — все прошлые были основаны на рабстве разной формы), и побеждает та артель, то человеческое общество, в распоряжении которого более высоко развитые производительные силы.

Почему человечество переходило от людоедства к рабству, от рабства к крепостному праву, от крепостного права к капитализму и от капитализма перейдет к социализму? Потому что каждая из названных стадий общественного развития представляет новую ступеньку в лестнице, ведущей вверх, — к власти человека над природой, к его обогащению, к росту его техники и производительных сил.

Можно ли сказать: пусть производительные силы и упадут, лишь бы был социализм? Нет, так сказать нельзя, — это внутреннее противоречие, ибо социализм может существовать только на основе высокого развития производительных сил. Мы это можем видеть у себя в деревне, особенно в деревне великорусской, где применяют более отсталые средства производства, чем здесь, на Украине. Мыслимо ли создать коллективное хозяйство, скажем, из 100 крестьянских семейств, у каждого из которых имеется одна соха и одна лошадь? Если вы 100 крестьянских сох и 100 лошадей соедините вместе то от этого никакой коммуны не получится, потому что при таких условиях выгоднее работать индивидуально. Даже небольшая коммуна требует известного уровня техники. Для того, чтобы коммуна работала успешно, нужны такие средства производства, которые выгоднее применять коллективно. Коммуна, построенная на примитивных средствах производства, все равно рано или поздно рассыпется. Если бы мы построили социалистическое общество на низких, а тем более на падающих производительных силах, то оно очень скоро загнило бы. Человеческое общество может развиваться и строить новые формы только на основе подъема производительных сил.

Почему мы отказались от военного коммунизма? Потому что военный коммунизм застопорил, задержал развитие производительных сил. Военный коммунизм был нам навязан, это

была мера неизбежная. Но когда непосредственная опасность военного наступления прошла, и выяснилось, что военный коммунизм задерживает развитие производительных сил, мы оказались вынуждены перейти к новой экономической политике.

Таким образом, развитие производительных сил есть для нас высший критерий, высшее правило. Без развития производительных сил не может быть социализма.

И когда выяснилось, что в деревне наши ограничения в области капиталистических отношений задерживают развитие производительных сил, то партия и Советская власть под ее руководством раздвинули рамки капиталистических отношений в деревне.

Есть тут опасность? Есть, безусловно. Нельзя говорить про нового кулака, которого я назвал капиталистическим фермером, который развивается и завтра будет сильнее, чем сегодня, что это не кулак, а одно недоразумение. Закрывать глаза на реальные факты нельзя. Капиталистический фермер есть капиталистический фермер; развиваясь, он превращается в крепкую фигуру; это наш возможный и вероятный враг на известной ступени.

Социалистическое развитие и опирается на капиталистическое и борется с ним в то же время. Нам нужно развитие производительных сил в деревне. Кулак, богатый крестьянин, который продает хлеб через посредство государства, позволяет государству получать иностранную валюту, за которую мы можем ввозить машины для наших заводов. Это плюс, это содействует приближению к социализму. Но кулак получает от государства плату за этот хлеб, которая позволяет ему купить лошадь или трактор и нанять рабочих в следующем году. Если для хозяйства этого крестьянина это несомненный плюс, то для государства в целом — и плюс и минус. Плюс — поскольку развиваются производительные силы; минус — поскольку они растут в капиталистической форме.

Таким образом, развитие производительных сил есть основа всякого развития общества вообще. Но формы этого развития могут быть разные — и социалистические и капиталистические.

Поэтому, когда мы спрашиваем себя теперь — дала ли наша хозяйственная политика, при помощи способов напа, т.-е. товарного оборота и рынка, те результаты, которые нужны нам как коммунистам, то для правильного ответа на этот вопрос нужно прежде всего уточнить самую постановку вопроса.

Чего мы ждем в дальнейшем от нашей хозяйственной политики?

Во-первых, поднятия производительных сил; во-вторых — роста, на основе этого подъема, социалистического хозяйства за счет капиталистического.

Вполне возможно представить себе дело так, что производительные силы растут: скажем, национальный доход мог в прошлом году составлять 12 миллиардов червонных рублей, а в этом году — 18 миллиардов, если оценивать товары по одной и той же цене. Ясно, что в таком случае производительные силы выросли на $\frac{1}{3}$, на 33%. Я это все говорю примерно. Но на самом деле названные мною цифры очень близки к тому, что есть: наши производительные силы по сравнению с прошлым годом действительно выросли на 33%.

Но второй вопрос: а кому это идет в прок, как распределяется этот прирост между социализмом и между капитализмом? Если бы оказалось, что в прошлом году национальный доход составлял 12 млрд., из которых государство (заводы, фабрики, шахты и т. п.) имело в своих руках 7 млрд., крестьяне — 4 млрд., а остальное — 1 млрд. — было в руках у скупщиков, частных торговцев, посредников, а в этом году национальный доход равняется 18 млрд., но из них у государства только 7 млрд. (как и в прошлом году), у крестьян — 5 млрд., а гораздо большая сумма — у купцов, частных посредников, спекулянтов, то что это означало бы? Это означало бы, если бы дело в действительности было так, что нам угрожает определенная опасность. Но мы сейчас увидим, что, к счастью, развитие нашего хозяйства идет в прямо противоположном направлении.

Новая экономическая политика имела задачей сдвинуть нашу страну с мертвой точки, на которой она очутилась в результате военных нападений на нас и политики военного коммунизма.

Значит, первое условие — это развитие производительных сил. Можно ли сказать, что они развились? Да, несомненно. Деревня дает продуктов больше, фабрики и заводы работают лучше (цифры я дальше приведу).

Это первый вопрос, который обязателен и интересен не только для социалиста. Если бы состояние нашего хозяйства стал исследовать любой буржуазный экономист или статистик, он прежде всего поставил бы этот же вопрос. Вот, например, лондонская биржа глядит на наше производство; с какой стороны оно ее интересует? Со стороны большей или меньшей производительности нашего хозяйства, повышения или понижения качества нашей продукции. Это вопрос общий и интересный для всех, ибо развитие производительных сил есть предпосылка и для капитализма и для социализма — и капитализм и социализм не могут развиваться без развития производительных сил.

Значит, исходя отсюда, мы должны поставить дальнейший вопрос: в каком направлении мы идем — к капитализму или к социализму?

Мы знаем, что идем одновременно и по линии социализма и по линии капитализма. Но вопрос: по какому пути мы развиваемся скорее, полнее, по какому каналу идет у нас с каждым годом больше ценностей, больше богатств — по каналу социалистическому, т.е. в руки государства и кооперации, или по каналу капиталистическому — в руки частных собственников? Без ответа на этот вопрос все наши очередные практические задачи решались бы нами в потемках. Ведь морское течение может отнести корабль совсем не туда, куда метили капитан и экипаж. Поэтому для проверки существует компас. У нас же для проверки существует правильно поставленная статистика, с помощью которой мы можем проверять, куда идет наше хозяйственное развитие.

И вот я и хочу обратиться к тому докладу, который представляет собой, с моей точки зрения, — думаю, с точки зрения всей нашей партии, во всяком случае, с точки зрения нашего Центрального Комитета, — документ исключительной истори-

ческой важности. Я говорю о работе Госплана, которая называется „Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1925/26 год“. Она заканчивается сводной таблицей по контрольным цифрам народного хозяйства. Этот вот угол сплошь занят мелкими цифрами, которые характеризуют производство — сельское хозяйство, промышленность, внешнюю торговлю; затем денежную массу — ссуды и текущие счета, учетно-ссудные операции и государственный бюджет. Все стороны, все каналы нашего хозяйства нашли отражение в этих цифрах за истекший или, вернее, истекающий год (вы знаете, что наш хозяйственный год кончается 30 сентября). В заключение даны цифры на следующий год — 1925/26. Это первый документ такого рода. Первый документ, в котором удалось оценить в цифрах всю нашу работу за истекший год, сравнить ее с довоенной и дать известные предсказания на 1925/26 год. Можно сказать, что до появления этой таблицы мы не имели вполне ясного и отчетливого познания самих себя. Эта таблица имеет, в полном смысле слова, историческое значение. Ее можно сравнить вот с чем? Первая географическая карта была еще несовершенна, но на ней было все-таки указано, где реки, где горы — и путешественнику было уже гораздо легче ехать, чем прежде, он мог уже, руководясь картой, внести некоторые необходимые исправления в предполагавшиеся маршруты. Такое же значение для нашего хозяйства имеет таблица Госплана.

Что же она нам говорит? Во-первых, она устанавливает размер нашей продукции, т.е. размер количества тех продуктов, которые дает сельское хозяйство и промышленность. Я не буду утомлять вас чтением слишком больших чисел — назову только самые важные.

Что мы в этом году гораздо сильнее, чем в прошлом, и в сельском хозяйстве и в промышленности, — это стало фактом общеизвестным. Что в области сельского хозяйства мы приблизились вплотную к довоенному уровню — это тоже факт общеизвестный.

Гораздо больше нового мы находим в данных, которые характеризуют соотношение капитализма и социализма. Мы

можем себе представить наше развитие в виде весов — на одной чашке лежат капиталистические гири, на другой — социалистические. Какая же чашка перевешивает, и имеет ли этот перевес временный характер?

Вот на этот второй вопрос дает ответ настоящая таблица. Тут прежде всего я приведу несколько цифр. Возьмем сперва капитальный фонд, т.-е. дома, здания, оборудование, машины, фабрики, заводы — то, что называется „основным капиталом“ (отсюда исключается заработная плата, товары и пр.). Государство располагает в настоящее время основным капиталом в 11,7 миллиарда, т.-е. почти в 12 миллиардов рублей. Кооперация имеет $\frac{1}{2}$ миллиарда. Государство и кооперация вместе имеют, следовательно, 12 с половиной миллиардов руб. В частных руках находится крупная сумма в 7 с половиною миллиардов рублей. Но что это за частные руки? Это в подавляющем большинстве крестьяне (оборудование крестьянских хозяйств исчислено, примерно, в 7,5 миллиардов руб.).

Итак, в руках государства и кооперации мы имеем более 12 миллиардов руб., а в руках частного собственника, то-есть, главным образом, крестьян, находится 7 миллиардов с лишним.

Значит, если государство рассматривать как одного собственника, то этот собственник почти в два раза богаче всех частных собственников, вместе взятых, при чем в области частной собственности преобладающее место занимают раздробленные мелкие крестьянские хозяйства.

Приведенные цифры показывают, что государство наше является крупным социалистическим собственником, ибо собственность государства и является у нас фондом социализма.

Но на это нам какой-нибудь критик из лагеря меньшевиков может сказать: „Хорошо вам говорить, но ведь вы этот фонд отобрали, экспроприировали, не вы же его создавали. Вы отобрали готовое и ныне у вас 12 миллиардов руб., а у крестьян 7 миллиардов с чем-то. Но ведь не в том дело, что вы отобрали, вопрос в том, как вы этим фондом распорядитесь, — производительно ли, рационально ли, сколько вы даете продуктов. Если вы собственник неспособный, то у вас

только пропадает добро, созданное буржуазными средствами". Такова может быть критика просвещенного меньшевика, который со статистическими цифрами орудовать умеет.

Несмотря на гражданскую войну и блокаду, мы удержали все-таки в своих руках, не разбазарили то, что отняли у буржуазии. Но как мы применяем то, что мы сохранили? — вот о чем должен себя спросить каждый сознательный рабочий.

На этот второй вопрос и дает нам превосходный ответ вот эта таблица.

Как я только что сказал, у нас, у государства, имеется основного капитала на 12 с чем-то миллиардов рублей, у частных собственников — на 7 миллиардов руб. Но если бы оказалось, что мы при наличии 12 миллиардов даем продуктов меньше, чем все остальные собственники при своих семи миллиардах, то это означало бы, что мы плохо распоряжаемся нашим основным капиталом. Или если бы государство произвело продуктов в один год на 3 миллиарда руб. (в прошлом году их было произведено на 1 миллиард), а частный собственник — на 1 миллиард руб., в следующем же году государство произвело бы на 3,5 миллиарда руб., а частный собственник на 2,5 миллиарда руб., то это означало бы, что мы выросли на $\frac{1}{2}$ миллиарда руб., а частный собственник — на полтора миллиарда, и значит частный собственник пошел вперед быстрее нас. Тут, товарищи, надо иметь в руках нечто вроде морского зонда или шеста, чтобы точнейшим образом измерять эти соотношения. Статистические цифры и являются таким измерительным шестом или зондом для проверки дна той исторической реки, по которой мы плывем. Так вот, если мы выяснили, что отнятого у буржуазии, несмотря на трудные условия, мы не разбазарили, то остается еще вопрос: как мы этот основной капитал применяем — правильно ли, умело ли, улучшается ли его применение или ухудшается?

Чтобы яснее показать в чем дело, я укажу на кустарную промышленность. Кустарная промышленность необходима для страны — она дает заработок известной части крестьян, избыточной рабочей силе деревни, а кроме того, кустарь-крестьянин обслуживает известную часть рынка, т.е. потребности другого

крестьянина. Но к чему приводила у нас кустарная промышленность раньше, при буржуазном строе? Кто выходил тогда из кустарной промышленности? — Морозовы, Мамонтовы, братья Завьяловы. Многие, вероятно, помнят перочинные ножи братьев Завьяловых и мануфактуру Морозовых. Все они выросли из кустарной промышленности. Каким образом это случилось? Среди кустарных промышленников находился более передовой умелый торгаш, который подминал под себя, как медведь, остальных кустарей. Продавая их продукты, он становился посредником, потом строил завод, и бывший кустарь становился у него пролетарием. Исключена ли такая возможность теперь? Нет, не исключена. Если бы наши текстильные фабрики работали плохо, слабо, вяло, то из кустарной промышленности мог бы вырасти новый Савва Морозов. Вы помните все, как в 1922 г. мы замечали очень большой рост посреднического частного капитала. И мы говорили себе: если этот торгаш-спекулянт завяжет свою смычку с деревней, будет там скупать хлеб, если он будет продавать этот хлеб городу, будет на этом зарабатывать, на эти деньги будет строить кустарную промышленность, т. е. ссужать кустарей сырьем на кабальных условиях, потом продавать их изделия, будет, наконец, заводить светелки и фабрики, то у нас может наступить вторая стадия капиталистического развития.

Именно с этой точки зрения для нас и является вопросом колоссальной важности, — кто же развивается скорее? развивается ли скорее государственная промышленность или частная, включая сюда нашу концессионную, кустарную и арендную промышленность? В нынешнем году у государства капитал — 12 миллиардов, а в руках частного капитала каких-нибудь полтора миллиарда. Но если мы будем год за годом отставать хоть немного, то в конечном счете частный капитал нас под себя подомнет. Это ясно. Вот почему точная промерка имеет тут колоссальное значение. Вспомним, товарищи, что в начале нэпа, 4 года тому назад, наша государственная промышленность покрывала, примерно, 75% потребностей рынка (а рынок наш был тогда весьма жалкий, слабенький), частная же и кустарная промышленность — 25%. И вот если бы сегодня

оказалось, что частная промышленность покрывает 30% рынка, а мы — 70, то означало ли бы это, что мы погибаем? Ни в малейшей мере! Ведь все-таки еще 70% покрывалось бы государством. Но мы уже обязаны были бы сказать себе, что тут что-то неладно. 4 года тому назад мы держали в своих руках рынок на 75%, а теперь только на 70, — значит мы на 5% отступили перед частным промышленником. Значит, где-то какую-то гайку надо подвинтить. Конечно, можно подвинтить гайку на шее частного промышленника. Его можно разорить в два счета. Наложить на частную промышленность непосильные налоги, и от нее останется мокрое место. Но не в этом задача. Мы для того и перешли на нэп, чтобы рынок завоевывать не административными мерами военного коммунизма, не при помощи заградительных отрядов и отрядов ЧК. Мы великолепно справились с буржуазией в эпоху военного коммунизма. Но этой победы над буржуазией для постройки нового общества недостаточно, и нам буржуазные формы хозяйства нужны, между прочим, для того, чтобы служить стимулом для повышения нашей собственной производительности, ибо, повторяю, социализм можно создать только при условии непрерывного роста производительных сил. На застое хозяйства, а тем более на его упадке, социализма создать нельзя, а можно только загнить, впасть в варварство. Значит, основой всего является развитие производительных сил.

Если бы оказалось, что из года в год процент покрытия рынка государственной промышленностью несколько уменьшается, мы все-таки сказали бы: это еще не смертельная опасность. Ведь пустить Юзовский, Днепровский или другие крупные заводы не так легко, как кустарную светелку. Кустарь может ожить раньше нас, зато, когда мы пустим большие заводы, мы его не только нагоним, но оставим далеко позади. Но, с другой стороны, то обстоятельство, что частный капитал в области рынка выиграл у нас за 2—3 года, скажем, 5 или 8%, уже было бы для нас первым предостережением. А вот если бы, товарищи, оказалось, что у нас 4 года назад, было 75% продукции, потом через год — два дошло до 55, а еще через некоторое время у нас осталось только 35% про-

дукции, тогда мы сказали бы: дело опасное, как бы не пришлось нам прибегнуть ко второй Октябрьской революции и отбить у частных собственников силой то, что мы упустили благодаря нашей косолапости. А вторая Октябрьская революция означала бы страшные потрясения, новую гражданскую войну; даже при нашей победе она повлекла бы за собой страшную задержку в хозяйственном развитии.

Все эти примеры, товарищи, выдуманы мною, я привел их только для того, чтобы яснее выразить свою мысль. Я умышленно взял яркие примеры, чтобы показать, какое значение имеют для нас статистические цифры. Их значение в том, что они подводят итоги нашей хозяйственной работе. И вот эти цифры говорят нам, что мы за последний период не сдали ни одного процента в области покрытия рынка товарами и даже несколько процентов выиграли.

В 1923/24 г. продукция государственной промышленности равнялась 5 с половиной миллиардам. Это составляет 76,3%, немного больше той цифры, которую я примерно называл. Значит, на долю частного капитала — кустарной промышленности, арендных фабрик, концессий (хотя последних мало и они играют небольшую роль) — приходится 23,7%. Значит, частный капитал покрывает в 3 раза меньше, чем государственный. В этом году наша государственная продукция достигла 7 с половиной миллиардов, в прошлом, в 1923/24 г., — 5 с половиной миллиардов. Значит, продукция государственных заводов и фабрик выросла почти на 2 миллиарда. У частного же капиталиста и у кустаря в 1923/24 г. продукция равнялась 1 3/4 миллиардам, а в этом году — 1 миллиарду 970 миллионам, т. е. почти 2 миллиардам. Значит, продукция частного капиталиста увеличилась на 1/4 млрд., а государственная за то же время выросла на 2 млрд. Нашей продукцией мы покрывали рынок на 76%, а теперь покрываем на 79,7 почти на 80%. Количественный перевес, таким образом, на нашей стороне. Но насколько он возрос? На каких-нибудь 3%. Кто-нибудь из наших врагов может сказать: эка невидаль — на 3%! Но ведь это впервые в истории социалистическое хозяйство побеждает капиталистическое.

В первый раз в истории социализм показал свою жизнеспособность — и тем, что он сохранил конфискованные у буржуазии ценности в труднейших условиях гражданской войны и мировой блокады, и тем, что он, применяя эти средства производства, методами рынка постепенно оттесняет частный капитал.

Поэтому жестоко ошибется тот, кто скажет, что 3% — разница небольшая. Если бы мы каждый год оттесняли частный капитал с рынка на 3% [а у него их всего 20%, — поделите их на 3 — это выходит 7 лет, не так уж много (смея)], то через 7 лет мы покрыли бы частный капитал на все 100%. А ведь рынок будет расти. Если бы рынок не изменялся, тогда дело было просто. Но ведь на самом деле это не так. Рынок растет. Раньше у нас торговый оборот составлял 5,5 млрд. рублей, а сейчас — 7,5 млрд. рублей, мы дали почти на целую треть больше. Но так как весь рынок вырос, то этот перевес наш дает только 3%. Этого мало? Конечно. Нашим критикам мы не можем по произволу давать любой процент. Мы говорим, что мы пока что довольны и этим небольшим, но ясно и точно измеренным успехом.

Впрочем, это вовсе и не маленький успех, — по существу это успех огромный. Мы приводим в движение тяжелую промышленность. У государства в руках — транспорт, у государства — угольная промышленность, у государства — текстильные заводы, наиболее крупные из них. Наши металлургические заводы мы прежде загружали на 10%, потом на 16, потом на 20. Крупные заводы имеют перевес над мелкими, когда они загружены на 100%, а при нагрузке на 20% они только обуза для государства. Значит, для частного собственника самое удобное время было в истекшие годы, когда наши крупные заводы к нам поворачивались своим невыгодным концом и своей тяжестью наваливались на плечи рабочего государства. И в области торговли мы были гораздо слабее, чем сейчас. Ясно, что в то время все минусы были на нашей стороне.

Не удивительно, что в первые годы нэпа уходило много средств на загрузку заводов тяжелой промышленности. В это

время частный предприниматель, который изготавливает предметы потребления для рынка, мог вырвать почву из-под наших ног на 50%. Теперь мы выравнивали свой фронт. У нас заводы загружены до 100% в некоторых отраслях, на 50% — в металлургической. И оказывается, что мы не то что ни одного процента за этот период не уступили, но с 76% покрытия рынка продукцией нашей промышленности дошли до 79%. Это цифра громадной важности; она имеет в полном смысле слова всемирно-историческое значение.

До сих пор мы говорили о преимуществах социализма над капитализмом теоретически. Когда к нам прежде приезжали иностранные коммунисты, мы им объясняли, почему мы нищи, почему у нас дела все еще так плохи. Они верили вместе с нами, что наше дело верное, что мы идем к победе. Но это были предположения, опиравшиеся на чисто теоретические основания. Но одно дело предсказать что-нибудь теоретически, а другое дело иметь перед собою осязаемый факт. Мы знаем, что наука имеет возможность предсказывать некоторые явления задолго до их наступления. Например, солнечное затмение. Если сказать темному крестьянину, что ученые-астрономы предсказывают, что в столько-то часов, столько-то минут и столько-то секунд будет затмение, и оно в это время действительно наступает, то это самая наглядная демонстрация могущества науки. Был такой случай в науке, когда один ученый, на основании движения планет, вычислил, что должна быть еще какая-то неизвестная до тех пор планета на небе, присутствие которой отражается на общей системе; а потом другой астроном ему пишет: „Надо, дружище, в телескоп умело глядеть, — в такой-то час и минуту поставь телескоп под таким-то углом и поищи хорошенько, — не заблудилась ли там где планета“. Он так и сделал, посмотрел и увидел, что такая планета действительно есть. (Ее назвали Нептуном.) Знаменитый химик Менделеев построил так называемую периодическую систему элементов (железо, золото, водород, кислород, радий и т. д.), а потом нашел, что не хватает одного элемента, который должен иметь такой-то удельный вес, такие-то свойства, такую-то твердость. Этот элемент, существование которого

Менделеев теоретически предсказал, действительно был впоследствии найден.

С коммунизмом мы имеем опыт в том же роде. Марксизм есть наука общественная. Октябрьская революция была первым подтверждением марксистского предвидения. Тут, правда, такой точности нет, как в астрономии, нельзя было сказать — в столько-то часов наставь такой-то прибор и увидишь на земле Октябрьскую революцию (смех). Но в общем вышло не плохо. Предсказание Маркса, повидимому, оправдалось. А ведь людям господствующего класса в царствование Александра III или Николая II должны были казаться бредом помешанного писания Ленина или Плеханова о революции, в которой победит рабочий класс.

Поэтому Октябрьская революция была не только политическим, но и теоретическим торжеством — торжеством марксизма. Она была большим торжеством потому, что создала политические условия для социализма, который является нашей конечной целью.

Что является базой Октябрьской революции? — Диктатура пролетариата, руководимая компартией, национализация средств производства, монополия внешней торговли. Это то, что мы взяли силой, революционным насилием. Но насколько мы сумели использовать наши завоевания? Каковы их практические результаты? Укрепляется ли почва у нас под ногами? Вот в чем вопрос. И тут проверка делается цифрами. Эти цифры показывают, что общее развитие идет в сторону социализма. Как мы уже видели, частная промышленность прибавилась на $\frac{1}{4}$ миллиарда, но мы растем быстрее. Есть, однако, еще один вопрос — относительно торговли. Тогда, в первый период нэпа, на рынке хозяином положения оказался частный торговый капитал. Это ставило перед нами опасный вопрос о будущей роли частного торговца-капиталиста. Недаром Владимир Ильич при введении нэпа повторял: „учитесь торговать, торговать и торговать“. В чем смысл этой фразы, которая тогда не всеми понималась вполне правильно? В том, что либо частный торговец будет накапливать ценности и богатства и подомнет нас под себя, либо мы научимся торговать и накапливать социалистический капитал.

Вс. ПУТЕВА
ИНОСТРАННОМУ
ПРОЦ. РАБОТ. СЕК.
С. 13/10
1062907

✓ Обратимся же к цифрам, характеризующим нашу торговлю. Эти цифры, товарищи, еще более яркие, еще более выразительны. Посредническая торговля в 1923/24 году составляла 50% торгового оборота, в 1924/25 — 25% торгового оборота. Государственный и кооперативный капитал: в 1923/24 г. — 50%, в 1924/25 г. — 75%. Следовательно, частный торговый капитал уменьшился вдвое, а государственный вырос на $\frac{1}{3}$, общий же оборот вырос вдвое. Эти цифры опять-таки имеют колоссальное значение: они показывают, что государственное хозяйство овладевает во все возрастающей степени аппаратом торговли.

И вот, товарищи, если мы серьезно вникнем во все эти данные, то наша крестьянская политика приобретет ясный смысл, и ее опасности предстанут перед нами в определенной перспективе. Конечно, кулак есть кулак и капиталистический фермер есть капиталистический фермер. Но ведь наше сельское хозяйство составляет часть всего того хозяйства, о котором я говорил, и в рамках этого хозяйства мы, как государство, становимся сильнее всех остальных собственников, вместе взятых. Стало быть, если, скажем, в области кустарной промышленности капиталистический предприниматель усилился за это время (а он усилился несомненно), то ведь только в рамках того полмиллиарда рублей, на который возросла частная промышленность вообще. Мы же за это время выросли на 2 миллиарда рублей. Значит, опасность, которая тут может быть и есть, взвешена на весах и оценена в цифрах. И эти цифры говорят о том, что соотношение сил изменилось в пользу государства, т.е. в пользу социализма. Таков основной вывод.

Конечно, изменение нашей хозяйственной политики по отношению к деревне ударяет и по бедняку и по деревенскому коммунисту и вызывает у них определенную тревогу. Это факт такого же порядка, как те, что мы имели во время гражданской войны. Там были еще более жестокие факты, когда коммунисты и лучшие элементы рабочего класса погибали в борьбе.

✓ Но почему мы оказались вынуждены расширить капиталистические отношения в деревне? Потому что коллективизиро-

вать деревню без необходимого развития производительных сил нельзя, потому что нельзя создать социалистическое сельское хозяйство без трактора и без электрификации. А только рост нашей промышленности приведет нас к возможности дать деревне трактор и электрификацию. Сейчас отдельные ячейки, отдельные коммуны (я вчера одну такую коммуну в вашем округе посетил), конечно, могут существовать и даже развиваться, если их поставить в правильные условия. Мы еще в целом не выработали вполне правильных норм регулирования жизни сельско-хозяйственных коммун, но, во всяком случае, эти коммуны представляют собой оазис. »Пока мы не можем дать деревне высокой техники, у нас есть две возможности: либо применить в деревне методы военного коммунизма и задержать там развитие производительных сил, что привело бы к сужению рынка и, тем самым, к задержке производительных сил в промышленности, — либо до тех пор, пока мы не можем средствами нашей промышленности коллективизировать сельское хозяйство, мы должны допустить там развитие производительных сил, хотя бы и при помощи капиталистических методов. В этом сущность нынешнего периода нашей политики.

И, разумеется, самое для нас важное, чтобы лучшие элементы деревенских коммунистов поняли всю эту механику в целом, потому что именно деревенскому коммунисту сейчас очень легко притти в отчаяние, если он, все еще не отдавая себе отчета в этих основных хозяйственных данных. Если он, искреннейший член партии, преданнейший социалист, видит перед собою рост хозяйства фермера, называемого кулаком, если этот кулак его обгоняет, и если он, с другой стороны, видит развал целого ряда сельско-хозяйственных коммун, коллективов, — а такие факты наблюдаются, — то в его сознании это может отразиться в такой форме, что все распадается, что социализм гибнет. А между тем, товарищи, это не так. Если от отдельных коммун мы обратимся к нашему хозяйству в целом, то, как мы видели, точные цифры скажут нам, что мы побеждаем частный капитал и в производстве и в торговле. Победа достигается в борьбе. В нашей борьбе есть деревенский

фланг; и в то время, как этот деревенский фланг терпит поражение, армия в целом побеждает.

Очень важно, повторяю, чтобы линия развития нашего хозяйства была ясна в особенности для работников такого округа, как ваш, где и промышленность и сельское хозяйство имеют огромное будущее—особенно, если мы создадим Днепрострой (к сожалению, это не так скоро еще будет, но я думаю, что через несколько лет мы его создадим). Мы проходим через период, когда сельское хозяйство развивается, но не по линии коллективизма, коммунизма, а в гораздо большей степени по линии частного крестьянского хозяйства. В связи с этим может быть разрыв между коммунистами городскими и деревенскими. Коммуниста деревенского, более активного, потянет в город, следствием чего будет дальнейшее обезлюдение деревни (как это было при капитализме, когда город был магнитом, притягивавшим к себе все лучшие силы), а, с другой стороны, трудности, на которые наталкиваются социалистические начинания в деревне, могут вызвать среди деревенских коммунистов тревогу и даже временное разложение. И только поняв линию развития нашего хозяйства в целом, можно не растеряться и не упасть духом, находясь на наиболее слабом и подвергаемом ударам участке нашей общей работы.

В частности, скажу два слова о положении сельско-хозяйственных коммун. Я, товарищи, очень мало этим вопросом занимался и вчера впервые, к стыду своему, видел собственными глазами сельско-хозяйственную коммуну. Она произвела на меня большое впечатление. Конечно, все там в миниатюрном масштабе, но какой-то маленький зародыш большого будущего, какие-то новые формы человеческих отношений там ощущаются. Вместе с этим вопрос о сельско-хозяйственных коммунах наталкивается на большие противоречия.

Основной вопрос и здесь тот, с которого я начал свой доклад. Если производительные силы коммуны не поднимаются, — она обречена на гибель, государство ей не поможет и кредит не поможет. При военном коммунизме коммуны могли прозябать несколько лет, топчась на месте, как все хозяйство топталось тогда на месте. Но с тех пор хозяйственное положение

изменилось: у крестьянина тогда было две лошади, теперь три-четыре, была одна корова, теперь—две-три, запашка стала больше; завод, который имел одну тысячу рабочих, теперь имеет две тысячи,—словом, кругом мы наблюдаем явный хозяйственный подъем. И если в прежнем положении остается только сельско-хозяйственная коммуна, то она обречена на гибель, несмотря на лучшие намерения и чувства ее членов.

И вот почему именно теперь, в этот новый период новой экономической политики, который тяжело бьет по деревенским товарищам, необходимо во что бы то ни стало поднять производительные силы сельско-хозяйственных коммун.

Мы сейчас пока частным образом говорили по этому поводу со здешними руководящими товарищами, в дальнейшем партия в целом продумает и обсудит этот вопрос. Может быть, и тут придется пойти на маленькие принципиальные уступки. Может быть, надо внести элемент личной заинтересованности в работу членов сельско-хозяйственных коммун. Кто больше и лучше работает—имеет право на какую-нибудь дополнительную плату. Я это высказываю пока, как свое личное предположение, которое я внесу в Центральный Комитет на обсуждение (есть товарищи, которые вопросами сельско-хозяйственных коммун занимаются гораздо больше, чем я). Но основное для меня совершенно ясно: необходимо принять меры, чтобы поднять в коммунах производительные силы, иначе эти коммуны распадутся.

Когда я высказал это предположение о введении элемента личной заинтересованности в работу сельско-хозяйственных коммун, один из товарищей сказал: „но ведь это уже будет не коммуна“. Я ответил:—да, это не будет полная коммуна. Но вот мы называем себя Социалистической Республикой—разве у нас полный социализм? Владимир Ильич объяснял, что означает название „Социалистическая Республика“: не то, что мы уже сейчас являемся Социалистической Республикой, а то, что мы во что бы ни стало ею сделаемся. То же самое с коммунами. Могут быть временные отступления от законченного коммунизма, ибо задача в том, чтобы привести к нему, а это можно сделать только путем развития производительных сил.

Мы ставим вопрос о смычке. Сейчас мы подошли к настоящей хозяйственной смычке гораздо ближе, чем в прошлом году. Почему? Потому что производительность стала выше, потому что металлургические, машиностроительные заводы работают уже гораздо лучше, потому что мы через год-два дадим крестьянину продуктов гораздо больше, чем сегодня. Но в то же время между городскими и деревенскими коммунистами временно происходит размычка, непонимание друг друга. Я особенно сильно это почувствовал в коммуне, которую я посетил. Вот почему мне казалось, что я правильное всего поступаю, если в своем докладе возьму не отдельные практические, текущие вопросы, а основную проблему развития нашего хозяйства. И вот научная таблица Госплана, которую наша партия будет в ближайший период пропагандировать и анализировать, является фотографией нашей работы в цифрах. И эти цифры говорят, что если силы опасности растут, то силы противодействия с нашей стороны растут гораздо скорее. У Шекспира где-то (забыл, где именно) какой-то герой говорит: „есть опасность, но знает опасность, что я ее опаснее“. Так может и наша партия сказать: „вокруг нас есть опасности, но партия наша в области хозяйства стала сильнее этих опасностей“. И если она теперь делает шаг назад в деревне, то это только потому, что она может позволить себе отступление на одном фланге.

Основные цифры, о которых я говорил, должен в ближайший период знать на-зубок каждый член партии, во всяком случае, каждый партийный пропагандист. Их надо будет разъяснять каждому деревенскому коммунисту, чтобы он чувствовал себя не только членом отдельной сельско-хозяйственной коммуны, но членом РКП в целом, который должен оценивать свои местные неудачи под углом зрения хозяйственного развития всей нашей страны.

Мы можем твердо сказать: сухие цифры Госплана являются первым и величайшим в мире свидетельством возрастающей победы социализма над капитализмом (аплодисменты).

* * *

Мне задали вопрос о концессиях. Товарищи, этот вопрос приводит к новому вопросу, который, мне кажется, будет иметь огромное значение для ближайших лет нашей работы.

Мы до сих пор, товарищи, говорили так: мы работаем на 72% довоенного уровня, а в будущем году будем работать на 100%, или на 95%, или на 93%. Мы равняемся по довоенному уровню. Все время и в сельском хозяйстве и в промышленности мы оглядываемся назад — на 1913 год. Сейчас нам надо достигнуть довоенного уровня. Но что такое довоенный уровень? Довоенный уровень — это уровень нашей отсталости и нищеты при царизме.

Ну, а когда мы достигнем довоенного уровня, чем мы дальше будем мерить? (*Голос с места: „Мировым рынком.“*) Совершенно правильный ответ — мировым рынком. Мы будем мерить дальше уже не нашим вчерашним днем, а мировым рынком.

И вот, товарищи, если мы к этому вопросу так подойдем, то увидим, что мы еще дьявольски отстали. Может показаться противоречием — весь мой доклад был посвящен тому, что у нас огромные успехи, что социализм у нас побеждает капитализм, а в итоге я говорю, что мы дьявольски отстали. Но это противоречие жизненное. То, что мы сумели достичь до довоенного уровня в такой короткий срок, в таких условиях — без иностранной помощи, без займов и при полу-блокаде, — является колоссальнейшим успехом, успехом всемирно-исторического значения. Но поднялись мы все-таки только до уровня нашей довоенной отсталости и нищеты.

Дальше пойдет равнение по мировому рынку. И вот здесь, товарищи, откроется новая эпоха величайшей борьбы. Мы победили внутри: ценности, добытые Октябрьской революцией, мы удержали в своих руках. Но наши промышленные изделия разве такого качества, как американские, как английские или германские? Разумеется, значительно хуже, а себестоимость их выше. Этот факт будет точкой отправления для нашей дальнейшей бешеной борьбы за повышение техники, за повышение производительности труда при помощи более рациональной организации производства.

Чтобы яснее выразить свою мысль, я возьму такой пример (я его в печати уже приводил). У нас прежде, в довоенное время, не делали электрических лампочек. Теперь у нас два завода электрических лампочек. В прошлом году лампочки этих заводов были плохи, в позапрошлом — совсем никуда не годились, а сейчас это недурные лампочки.

Как измерить лампочку? Если окажется, что лампочка в 25 свечей, скажем, лампочка „Осрам“, живет 1000 часов, а наша лампочка — 900 часов, значит наша на 10% живет меньше. Если окажется, что лампочка „Осрам“ пожирает столько-то энергии, а наша на 10% больше, если сверх того окажется, что наша лампочка дает неправильное рассеяние света (лампочка „Осрам“ дает правильное, отчетливое, шарообразное пятно вокруг себя) и поэтому надо иметь три наших лампочки там, где „осрамовских“ достаточно лишь две, то это значит, что наши лампочки работают на 33% хуже „осрамовских“. А ведь еще может оказаться, что и себестоимость дороже процентов этак на 40—50 (смех). Это я не к тому говорю, что с лампочками у нас дело обстоит хуже, чем с другим чем-нибудь — у нас и в других областях возможно такое же явление. А между тем если у нашего хозяйственника спросить: какова наша лампочка? — он ответит: „почти как заграничная“. Почему? — спрашиваешь. — Потому что хотя она и на 10% изнашивается скорее, но это пустяк. — А спросишь другого — он тебе скажет: „совсем такая же, как и заграничная“. Но если подсчитать, да одно на другое помножить — лампочка, которая живет меньше, да пожирает энергии больше, да хуже освещает, да дороже стоит (смех), — то окажется, что наша лампочка разика в три хуже иностранной (смех).

О том же самом говорит и пример с карандашами. Хозяйственники (руководители химвула) говорят: у нас средства производства хуже, материалы хуже, сырье хуже, а карандаши получаются почти как иностранные.

Я себе это словечко „почти“ наматал на ус и попросил проверить. И вот оказывается: чинишь карандаш — он ломается; карандаш Фабера служит месяц, а этот в три дня идет в расход; стоит он „почти“ то же самое, процентов

на десять дороже заграничного. И когда вот так подсчитали, то и оказалось, что карандаш нашего изделия в три раза хуже иностранного. Хуже в том смысле, что приложенный сюда труд дает результаты и меньшие и худшие.

Между тем, крестьянин и рабочий станут требовать изделий лучшего качества. Требовательность вообще растет. Рабочий не хочет уже так одеваться, как он одевался во время военного коммунизма, — в повышении требований и материальных и духовных выражается рост культурности. И тут мы подходим к вопросу повышения нашей техники.

Каким темпом мы будем развиваться? Нам темп нужен более быстрый. И вот почему сейчас мы заключаем целый ряд концессий.

Товарищи, под словом „концессия“ можно разное понимать. Вот, например, трест слабых токов в Ленинграде заключает концессионный договор с шведской фирмой Эрикссон. Сущность этого договора состоит в том, что шведская фирма обязуется научить трест слабых токов в течение, кажется, 3 лет делать автоматические телефоны, т.-е. такие аппараты, которые дают возможность без помощи работников, специально сидящих на станции, непосредственно каждому соединять себя с необходимым ему номером. За это время фирма Эрикссон будет снабжать трест всеми полуфабрикатами, и шведские инженеры этой фирмы будут работать на наших заводах в тех цехах, где будут вырабатываться автоматические телефоны. Кроме того, инженеры треста слабого тока отправляются в Швецию, где они имеют право работать в тех цехах, куда их поставит трест. За все это мы оплачиваем полуфабрикаты, которые они нам поставляют, и уплачиваем фирме известный процент с продажи каждого автоматического телефона в течение 10 лет. Что поделаешь, это — плата со стороны социализма капитализму за техническую выучку.

Сейчас из Ленинграда выехали представители треста анилиновых красок для того, чтобы заключить договор с какой-нибудь иностранной фирмой анилиновых красок на таких же началах. Электротехнический трест сильного тока также хочет заключить (уже выехали его руководители для переговоров за границу, в том числе тов. Уханов) концессионный договор

с иностранными фирмами. Все такого рода концессии называются „концессиями технической помощи“.

Разумный это путь или неразумный? Конечно, лучше было бы, если бы можно было без этого обойтись. Но что же делать?— Нам необходимо улучшить нашу технику в ближайший и возможно короткий срок. Ибо весь экономический напор иностранной буржуазии определяется, да и в будущем военный напор точно так же определится—разницей в технике. Чем ниже наша техника по отношению к мировой, тем большая нам грозит опасность. Когда мы были очень слабы, мы с большей опаской относились к концессиям. Мы смотрели на иностранных капиталистов, техников, инженеров, как на экономических шпионов, и сплешь и рядом арестовывали их. Теперь же мы, хоть и отстали от заграницы, но уже окрепли настолько, что нам незачем скрывать наше положение. И сейчас мы не боимся концессий, как боялись их 3—4 года назад.

Мы заключили два крупнейших концессионных договора— на Ленские золотые прииски и на чиагурский марганец. Имеется также целый ряд крупных концессионных предложений, касающихся украинской промышленности.

Концессионные предложения не миновали даже кинематографической промышленности. Казалось бы, Госкино— не тяжелая металлургия, а, однако, англичане предлагают нам— один 5 миллионов долларов, а другой—10 миллионов долларов вложить в нашу кинематографию.

Само собой разумеется, мы не можем допустить такого процента концессий, чтобы чаша весов перетянула в сторону частного капитала. Но так как мы сейчас господа на внутреннем рынке и имеем в своих руках 79%, то для улучшения нашей техники мы можем концессионерам некоторое количество процентов уступить. И комиссия Центрального Комитета, которая рассматривала вопрос о концессиях, признала необходимым и целесообразным расширение нашей концессионной практики, в целях повышения нашей техники.

Таким образом, товарищи, в ближайшем же периоде у нас будет уже борьба за достижение не довоенного уровня, а за достижение уровня мирового рынка— в отношении качества

продукции и ее стоимости. И это будет не просто рыночное состязание, а состязание социализма с мировым капитализмом. Как мы внутри пользовались рынком, нэпом, капиталистическими отношениями для развития социализма, точно так же для того, чтобы догнать мировой капитализм, нам потребуется опереться на него одним флангом. Это будет перенесение практики напа на иностранные концессии, на иностранную технику, на иностранный капитал. Мы теперь приобрели гораздо больше опыта и лучше подсчитали, что у нас есть, куда можно пустить концессионеров, а куда нельзя. Наша концессионная политика станет подсобным орудием для нашей промышленности. И нет никакого сомнения, что именно в ближайший период, когда нам нужно обновлять основной капитал нашей промышленности (на это мы в настоящем году думаем затратить 900 миллионов золотых рублей), наша концессионная практика расширится.

И здесь нужно, чтобы каждый коммунист сумел объяснить беспартийному рабочему и крестьянину сущность нашей концессионной политики, ибо эсеры или эсерствующие меньшевики будут пускать слухи о распродаже России и о возвращении богатств иностранным капиталистам, как это было в Грузии, когда Гарриману была сдана концессия на марганец.

Мы можем достигнуть уровня мировой техники и мировой производительности труда и обогнать его, только опираясь временно на костыли концессий. Эти костыли нам нужны для гигантского прыжка вперед, и мы сделаем его с полным успехом (*аплодисменты*).

Библиотека
Историко-географическая
при [неясно]

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

А. И. РЫКОВ

НОВАЯ ОБСТАНОВКА И ЗАДАЧИ ПАРТИИ

К XIV СЪЕЗДУ РКП (б)

Доклад ЦБ на XIV Московской Губпартконференции

Стр. 70.

Ц. 30 к.

И. СТАЛИН

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА

XIV Съезду Российской Коммунистической Партии (большевиков)

Стр. 104.

Ц. 35 к.

В. МОЛОТОВ

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ ОТЧЕТ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА

к XIV Съезду Российской Коммунистической Партии (большевиков)

Стр. 78.

Ц. 75 к.

И. СТАЛИН и В. МОЛОТОВ

ОТВЕТ ОППОЗИЦИИ

Стр. 66.

Ц. 25 к.

РЕЗОЛЮЦИИ, ПРИНЯТЫЕ XIV СЪЕЗДОМ РКП (б)

ПО ОТЧЕТУ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА

ПО ДОКЛАДАМ Т. СТАЛИНА и Т. МОЛОТОВА

Стр. 16.

Ц. 15 к.

А. И. РЫКОВ

О НОВОЙ ОППОЗИЦИИ

Стр. 32.

Ц. 10 к.

Н. И. БУХАРИН
Т Р И Р Е Ч И

(К вопросу о наших разногласиях)

Стр. 70.

Ц. 25 к.

М. ТОМСКИЙ
П А Р Т И Я И О П П О З И Ц И Я

Речь на XIV Съезде РКП (б)

Стр. 32.

Ц. 10 к.

М. ТОМСКИЙ
П А Р Т И Я И П Р О Ф С О Ю З Ы

Доклад XIV Съезду РКП (б) 29 декабря 1925 г.)

Стр. 46.

Ц. 15 к.

М. ТОМСКИЙ
О Н О В О Й О П П О З И Ц И И

Стр. 36.

Ц. 15 к.

В. КУЙБЫШЕВ
Ц Е Н Т Р А Л Ь Н А Я К О Н Т Р О Л Ь Н А Я К О М И С С И Я
н а X I V С ъ е з д е Р К П (б)

Стр. 70.+8 таблиц.

Ц. 40 к.

С Т Е Н О Г Р А Ф И Ч Е С К И Й О Т Ч Е Т X I V С ъ е з д а Р К П (б)

Печатается и в ближайшее время выйдет.

МАТЕРИАЛЫ К XIV СЪЕЗДУ РКП (б)

К XIV СЪЕЗДУ РКП (б)

1. От XIII и XIV Съезду

(К организационному отчету ЦК)

2. Отчеты отделов ЦК РКП (б)

Российская Коммунистическая Партия (большевиков) ·

Стр. 228.

Ц. 2 р.

К XIV СЪЕЗДУ РКП (б)

ПАРТИЙНЫЕ, ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ

И КООПЕРАТИВНЫЕ ОРГАНЫ И ГОСАППАРАТ

Стр. 312.

Ц. 2 р. 25 к.

ПАРТИЯ В ЦИФРОВОМ ОСВЕЩЕНИИ

МАТЕРИАЛЫ ПО СТАТИСТИКЕ ЛИЧНОГО СОСТАВА ПАРТИИ

(Российская Коммунистическая Партия (большевиков)

Центральный Комитет. Статистический отдел.

Стр. 120.

Ц. 60 к.

К XIV СЪЕЗДУ РКП (б)

ПЕЧАТЬ СССР за 1924 и 1925 г.г.

СБОРНИК СТАТЕЙ и МАТЕРИАЛОВ. Под общ. ред. И. М. ВАРЕНИКОВА.

Стр. 284.

Ц. 3 р.

СПРАВОЧНИК ПАРТИЙНОГО РАБОТНИКА

ВЫПУСК ПЯТЫЙ. (Российская Коммунистическая Партия (б)).

Стр. 576.

Ц. 3 р. 75 к.

И. В. СТАЛИН

ВОПРОСЫ ЛЕНИНИЗМА

СБОРНИК СТАТЕЙ, с предисловием И. В. СТАЛИНА,
специально написанным к этому сборнику.

СОДЕРЖАНИЕ:

Предисловие. Основы ленинизма. Итоги XIII партсезда. Октябрьская революция и тактика русских коммунистов. К международному положению и задачам компартии. Итоги XIV партконференции. К национальному вопросу Юго-Славии. О политических задачах университета Востока. Еще раз к национальному вопросу. Вопросы и ответы. Октябрь. Ленин и перспективы нашего развития. О задачах Комсомола. Доклад и заключительное слово на XIV партсъезде.

(Заканчивается печатанием).

В. М. МОЛОТОВ

ПОЛИТИКА В ДЕРЕВНЕ

СТАТЬИ и РЕЧИ.

Стр. 284.

Ц. 1 р. 25 к.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ

в ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ГОСИЗДАТА РСФСР

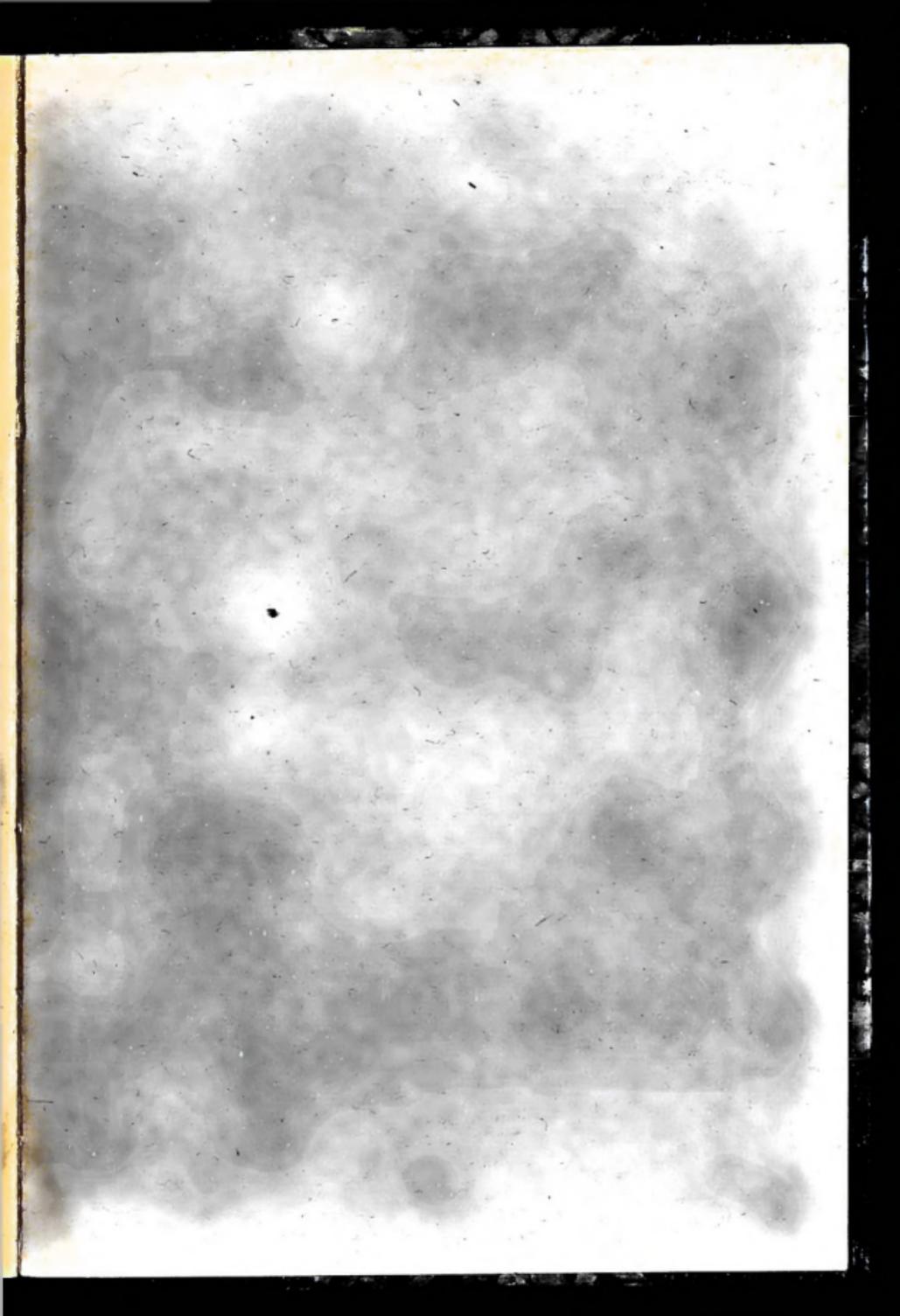
Москва, Ильинка, Богоявленский пер., 4

Телефоны: 1-91-49, 5-04-56 и 3-71-37.

Ленинград, «Дом Книги», Проспект 25 Октября, 28. Тел. 5-49-32
и во все отделения и магазины Госиздата РСФСР

Отдел Почтовых Отправлений Госиздата

(Москва, Проезд Художественного театра, 6) высылает все книги немедленно по получении заказа почтовыми посылками или бандеролью наложенным платежом. При высылке денег вперед (до 1 руб. можно почтовыми марками) пересылка бесплатно.

3656

лр. 50к.

15 коп.

